УДК 801.8

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

© Нурила Шаймердинова

“FRIEND OR FOE” IN ANCIENT TURKIC TEXTS

Nurila Shaimerdinova

This article focuses on a variety of modern worlds/communities and ethnicities, which have their own differences: anthropological, socio-economic, areal, cultural, religious, linguistic, and psychological. Important elements in ethnic differences are behavior stereotypes and emotional sensitivity. Lack of understanding in these spheres leads to conflict of interests and enmity: the 20th-century wars, refugees, and local wars of the 21st century. The similar phenomena are described in ancient Turkic runic monuments, which belong to the early Middle Ages, the epoch of ancient Turkic Khaganates. The article notes that ancient Turkic people created their own civilization and state, whose distinctive feature was written language and written monuments. The wars that ancient Turkic people waged with “aliens”, external enemies, such as the Arabic Caliphate, Sogdiana, the Byzantine Empire and others are represented in runic written monuments. Different linguistic units are used in ancient monuments to depict their battles with external enemies. According to the main body of the runic texts, among the enemies of the ancient Turks was the Chinese empire, with which they both fought and lived in peace and friendship. Because of the tribal enmity, the related Turkic tribes were also referred to as “aliens”.

Keywords: variety of worlds, wars, monuments, Turkic people, Chinese empire, “friends” as “foes”.

В статье рассматривается многообразие современных миров и этносов, различающихся по антропологическим, социально-экономическим, ареальным, культурным, религиозным, языковым, психическим признакам. Важными в этническом различии являются стереотип поведения и эмоциональная чувствительность, непонимание которых ведет к конфликту интересов и вражде: войны XX века, беженцы и локальные войны XXI века. Аналогичные явления запечатлены в древнетюркских рунических текстах (памятниках), относящиеся к эпохе раннего средневековья, эпохе древнетюркских каганатов. В статье отмечается, что древние тюрки создали свою цивилизацию и древнетюркское государство, одним из отличительных признаков которого является наличие письменности и письменных памятников. В рунических письменных памятниках нашли отражение войны древних тюрков с «чужими», внешними врагами, такими как Арабский халифат, Согдиана, Византия и другие. Война с внешними врагами в текстах раскрывается различными языковыми единицами. Основной корпус рунических текстов показывает, что среди врагов древних тюрков была и Китайская империя, с которой древние тюрки, с одной стороны, воевали, с другой – жили в мире и дружбе. Из-за междоусобной племенной вражды и родственные тюркские племена тоже оказывались «чужими».

Ключевые слова: многообразие миров, войны, памятники, тюрки, Китайская империя, «свои» как «чужие».

Современная действительность представляет собой множество миров: тюркский, восточный, русский, славянский, европейский, американский, латиноамериканский, арабский, африканский, китайский и т. п. Каждый из этих миров различается по расовым признакам (цвет кожи, овал лица, разрез глаз), социально-экономическим параметрам (уровень жизни, достаток, образование, обеспеченность работой), ареально-территориальным и культурным составляющим, отношению к политическим партиям (правые-левые-центристы, демократы-либералы, демо-

краты-консерваторы), мировоззренческо-религиозным ценностям (христианство, ислам, буддизм), языку, стереотипу мышления, поведения и многим другим параметрам. Поэтому в этнической идентификации возникают два полюса: с одной стороны, *мы – наши – свои*, с другой – *они – другие – чужие*. Тем самым эксплицируются вопросы идентификации человека со своим миром, этносом, культурой, языком и противопоставления по этим же признакам «тем», «другим». Вопросы сосуществования различных миров и принадлежности человека к тому или иному ми-

ру были злободневными в историческом прошлом и являются актуальными в современном мире.

Понятие «свой», по мысли Э. Бенвениста, первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которого человек одновременно осознаёт себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим – чужим, врагам, рабам» [Бенвенист, с. 87]. Так, в Казахстане внутри одного этноса исторически сложилась и актуально до сих пор родовое деление на жузы: младший, средний, старший. Исторически в каждом жузе был свой правитель, своя территория зимних и летних перекочевков, свои внутриклановые порядки и правила взаимоотношений с другими жузами. В современном Казахстане принадлежность к тому или иному жузу играет важную роль в социальной, политической и культурной жизни казахов.

Поляризация полюсов «свой» и «чужой», несомненно, затрагивает этнические связи и отношения. Известно, что этнос определяется как некая иерархически организованная система, регламентированная целым рядом признаков, к которым, по мнению А. Герда, относятся «биосфера, климат, ландшафт; антропологический тип, расовые различия; ареал, психический склад, эмоциональные связи; материальная культура; духовная культура; традиции, обычаи, память народа; уклад жизни, стиль жизни; форма поведения, вежливости; самосознание» [Герд, с. 54]. При этом в понятие «самосознание» включаются следующие параметры: «мы – они», «наши» – «ненаши», осознание тождества с другими; солидарность, осознание своего единства со «своими».

Л. Гумилёв определяет этнос как устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени [Гумилёв, 1993, с. 131]. Тем самым в этнической идентификации человека Л. Н. Гумилев главным критерием называет не язык, не культуру, не идеологию, не прочие параметры, а эмоции человека и стереотип его поведения. Поэтому он считает «англичанин тот, кто ведёт себя по-английски, а ирокез тот, кто по-ирокезски. Специально научиться этому нельзя, всё „впитывается“ с детства, и происхождение не причём – ведь, если даже ребёнок не знает отца и матери, это не мешает ему принадлежать к тому или иному этносу» [Гумилёв, 1989, с. 128]. Разделяя мысли Л. Гумилева, мы считаем, что осно-

ва этнических отношений находится в поле эмоционально чувственного пространства, в симпатиях – антипатиях, в любви – ненависти, в боязни и неприязни к «тем», «другим», «ненашим». В истории развития цивилизаций и государств много подтверждений тому. В настоящее время – это массовые миграции беженцев из Африки, Азии, Индокитая в Европу. Гонимые войной, нищетой, отсутствием элементарных условий проживания (Сирия, Ирак, Афганистан, Африка), беженцы ценой жизни пытаются прорваться в страны Евросоюза, народы которого неприветливы, недружелюбны, возводят стены и препятствия, выходят на демонстрации, опасаясь потери своей культуры, своих земель, рабочих мест (жен, мужей), своих ценностей и обычаев. Отсюда – накопление негативного опыта по отношению «к ним», «другим», что приводит к вражде, открытому конфликту, войне. И тогда в обществе или между этносами возникает «язык вражды», этнический, религиозный и прочий. В истории развития мировых цивилизаций, культур и государств, народов и этносов на протяжении тысячелетий, столетий наблюдается борьба «своих» и «чужих», борьба интересов, вражда и война. В XX веке, наряду с небывалым научно-техническим прогрессом, расцветом культуры и искусства, мир пережил две мировые войны, в которых погибли миллионы людей, изувечены миллионы судеб. XXI век также сотрясают локальные войны в разных точках мира.

В развитии межэтнических связей есть и другое отношение «к ним»: уважение к их языку, вере, стереотипам поведения, обычаям, культуре, то есть «к ним» таким, какие они есть. И тогда говорят о толерантности, терпимости, мире и согласии.

Противостояние «своих» и «чужих» нашло отражение и в исторических источниках, письменных памятниках. Таковыми являются древнетюркские рунические памятники VI–XI вв. Не случайно в одном из этих памятников написано: *jat jaɣug tüz bolmas* – ‘чужой и свой не одно и то же’ [Жолдасбеков, Сарткожаулы, с. 247]. Более трехсот рунических памятников, образуя многоярусную систему, широко представлены на всей территории Евразии: Орхонские надписи в Монголии, мелкие надписи в бассейне рек Уйбат и Енисей в Сибири, многочисленные надписи на Алтае, Семиреченские, Таласские тексты в Средней Азии, надписи Восточного Туркестана на территории КНР, рунообразные знаки и тексты на территории Венгрии, Румынии, Болгарии и европейской части России. Рунические тексты, высеченные на камнях, валунах, стелах, предметах домашней утвари, рас-

крывают картину мира древних тюрков, развитие кочевых древнетюркских государств и их отношения с другими этносами и государствами в эпоху раннего средневековья. Воинственные древние тюрки, завоевав огромные территории от скалистых хребтов Хингана на востоке до междуречья Волги и Урала на западе, от Саянских хребтов на севере до согдийских границ на юге, создали мощное государство, вечный эль ᠠᠭ (В. В. Бартольдт, П. М. Мелиоранский, Л. Н. Гумилев, С. Г. Кляшторный). Действительно, у древних тюрков имеются все признаки государственности: верховная власть и способы его передачи, структура государства (Орда – центр, правое крыло, тардуш, и левое крыло, толес), постоянное войско, военная номенклатура (шад, ябгу, апа-тархан, тегин, бек, ер-воин), кочевое хозяйство в сочетании с оседлостью, идеология государства в виде ряда религиозных форм шаманизма, тенгрианства, манихейства, буддизма, христианства несторианского толка и, главное, наличие и развитие письменности. Верховная власть принадлежала кагану, обычно, выходцу из знатного рода Ашина. Каган был главной политической фигурой в древнетюркском государстве. С. Г. Кляшторный пишет, что хан «держал эль и возглавлял бодун». Он осуществлял функции главы «гражданского» управления <...>. Вместе с тем он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате даней и податей» [Кляшторный, с. 160]. По закону тюрков верховная власть от брата передавалась брату, а от племянника – к дяде. Такое наследование власти, как известно, Л. Н. Гумилёв называет «лествичным восхождением» [Гумилев, 1993, с. 338].

По мысли Л. Н. Гумилёва, на рубеже VII–VIII вв. существовала мощная тюркская империя, с которой должны были считаться и Запад, и Восток – Византия и Китай, Арабский халифат и Согда, Персия и Индия [Гумилёв, 1989, с. 5]. С этим нельзя не согласиться. Несмотря на взаимные договоренности, деятельность послов и переговорщиков, взаимоотношения тюркской империи с соседями и другими странами не всегда были мирными, чаще всего враждебными. Поэтому основное содержание рунических текстов (Орхонских, Енисейских, Семиреченских) – это история походов, завоеваний, нескончаемых войн, одним словом, это история конфликтов и войн. В большом тексте Кюль-тегина основателям первого тюркского Бумын-кагана и Истеми-кагана ставится в заслугу покорение и подчинение соседних народов:

Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа. Четыре угла (т.е. народы, жившие вокруг по всем четырём странам света) все были им врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырём углам, и принудили их к миру. Имевших головы они заставили склонить (головы), имевших колени они заставили преклонить колени [Малов, с. 36].

Через историю походов и сражений раскрывается деятельность основателя второго тюркского каганата Кутлук-кагана, который 47 раз ходил с войском в поход, его брата Капаган-кагана, 25 раз ходившего в поход [Там же, с. 38]. Следующий правитель, Бильге-каган, также вспоминает: *Чтобы поднять свой народ, я с большим войском предпринял 12 походов налево (на север) против народа Огузов, вперёд (на восток) против киданей и татабов, направо (на юг) против народа табгач [...] и сразился* [Мелиоранский, с. 70].

«Другой» или «чужой» в древнетюркском языке обозначается словом *ja t* ᠵᠠᠲ в значении «чужой», «посторонний», которое образовано от глагола *ja nu* ᠵᠠᠨᠤ («угрожать, пугать, враждовать»). Другими дериватами этого глагола являются: *ja yud* ᠵᠠᠶᠤᠳ («становиться врагом»); *ja yu* ᠵᠠᠶᠤ («вражда, война»); *ja ni yu* ᠵᠠᠨᠢᠶᠤ («угроза, устрашение»). В дальнейшем получили развитие и такие значения, как «чужеземец», «иноверец», «война», то есть семантическое поле лексемы расширялось. «При этом доминантное значение слова связано только с врагом, которого надо уничтожить. Например, оно не может употребляться в описании спортивной, политической, идеологической борьбы» [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, с. 499].

«Чужие» в рунических текстах постоянно противопоставляются «своим», «нашим», «нам», «мне», «ему», что подтверждается различными языковыми единицами, повторяющимися простыми предложениями, контекстом: *Мы ходили войной; Я пошёл походом против огузов; Мы сразились и победили; Сразились при вершине Тамык-Ыдук. То войско мы разбили; Войско их я разбил; Я приказал двинуться войску; «В один год я четыре раза сражался; Мой отец-каган выступил сначала с семнадцатью мужами* [Малов, с. 33–41];

Когда (их) стало семьсот мужей, то он привел в порядок и обучил народ, утративший свой эль (т.е. свое независимое государственное устройство) и своего кагана, народ, сделавшимися рабьями и сделавшимися рабами

(у табгачей), упразднившие свои тюркские установления... [Там же, с. 38];

По всем странам бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг, пришёл (к нам) обратно [Там же, с. 40].

В двадцать два года я отправился воевать против табгачей и сразился с восьмидесятитысячным войском Чача-сенгуна. Его войско там разбил [Жолдасбеков, Сарткожаулы, с. 261].

Особенность оппозиции «свой» – «другой» для древнетюркского мира заключается в том, что «другими» являются, с одной стороны, внешние враги, с другой – родственные тюркские племена, с которыми тюркам приходилось воевать, то есть «свои» могли быть «чужими». Кто были внешними врагами? «Чужими», «чужеродными», «инородными» внешними врагами были тангуты, татабы, тибетцы, согдаки, согдийцы, арабы, табгачи и другие:

В семнадцать лет отправился походом против тангутов. Народ тангутов разгромил. Детей, женщин, лошадей, имущество тогда я взял.

В восемнадцать лет отправился войной против шести племён согдаков. Народ их тогда подчинил.

В двадцать два года я отправился воевать против табгачей и сразился с восьмидесятитысячным войском Чача-сенгуна. Его войско там разбил [Жолдасбеков, Сарткожаулы, с. 261].

Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-кёле [Малов, с. 42].

Мы преследовали врагов до Темир-капыга. Мы заставили их оттуда возвратиться. Инэль - кагану арабов и тохаров... Тогда пришел весь согдийский народ во главе с Суком... (?) [Там же, с. 69].

Среди внешних врагов противостояние древних тюрков было с Китайской империей (в подлиннике и в переводах «табгачи»). Это противостояние тюрков с табгачами следует обосновать не только территориальными притязаниями. Как полагает Л. Н. Гумилёв, война с Китаем – не просто борьба двух государств, это борьба культур, борьба двух мировоззрений и мироощущений. Великая степь манифестом заявила своё право не быть Китаем, а быть только собой (выделено нами – *Н. Ш.*). Такая борьба велась ещё со времени хуннского Модэ-шаньюя, но здесь она сформулирована и зафиксирована в документе. Чтобы не поддаться обаянию Китая, нужны были сверхусилия, и их сделали голубые тюрки: Кутлуг, Тоньюкук, Кюль-тегин и Йоллыг-тегин [Гумилёв, 1989, с. 339].

Падение раннего тюркского каганата в тексте Кюль-тегине объясняется «кознями» со стороны Китайской империи:

Вследствие «непрямоты» (т.е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих, (а также) вследствие того, что они табгач ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей – тюркский народ привёл в расстройство свой (до того времени) существовавший племенной союз [Малов, с. 36].

Отношения тюрков с империей Тань в дальнейшем складываются следующим образом:

- неволя (*народу табгач стали они тюрки рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством*) [Там же, с. 37];

- длительность имперской неволи (*пятьдесят лет отдавали они ему свои труды и силу*) [Там же];

- потеря независимости, попрание всего тюркского этнического и насаждение других обычаев, другой культуры;

- продажность тюркской знати: (*тюркские правители сложили с себя свои тюркские имена (т.е. звания и титулы), приняв титулы народа табгач*) [Там же, с. 38].

О противостоянии тюрков Китайской империи написано и в других текстах, например, в Онгинском: *Табгачский народ стал врагом ...я победил, покорил, подавил, разгромил...Преследовали их до гибели* [Жолдасбеков, Сарткожаулы, с. 112]; в Тоньюкуке: *Благодаря своей мудрости, мужеству Эль-терис-каган с табгачами сразился семнадцать раз* [Там же, с. 320]; в Кули-чоре: *При четырёх сражениях в Бешибалыке Кули-чор окончательно разбил врага. Так, сражаясь с табгачами, во имя славы, во имя возвышения себя, столько сделал великого* [Там же, с. 320]. Кули-чор, как и многие другие тюркские предводители, в войне с империей обеспечил себе эту славу. Борьба с табгачами – дело чести, возвышения, славы, что очень почиталось в древнетюркском обществе.

В текстах отмечается, что китайцы для покорения Степи, для борьбы с тюрками использовали не только военную силу, но и подкуп, обман, предательство: *У народа табгач, дающего (нам теперь) без ограничения золото, серебро, спирт (или: зёрна), шелка; речь была сладкая, а драгоценности «мягкие» (т.е. роскошные, изнеживающие); прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь (т.е. весьма) сильно првлекали к себе далеко (жившие) народы. Те же*

поселяясь вплотную, затем усваивали себе дурное мудрование» [Малов, с. 34]; (ср. П. М. Мелиоранский: *т.е. приобретали неправильный взгляд на вещи, вследствие чего потом и сами гибли, и других губили* [Мелиоранский, с. 61]).

«Дурное мудрование» или «неправильный взгляд на вещи» – это оценка, и оценка не только неблагоприятных приёмов китайцев, но и неприятие «чужой» по духу культуры, поэтому текст содержит негативную коннотацию, отрицательную оценку [Шаймердинова, 2007, с. 66]:

...злые люди так научали часть тюркского народа, говоря: «Кто живёт далеко, тому табгач даёт плохие дары, кто живёт близко, тому дают хорошие дары», этими словами он так научал тебя. И (вот) вы, люди, не обладавшие (истинной) мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли (там) в большом количестве [Малов, с. 34].

С другой стороны, древнетюркское государство с великой империей связывали не только война и вражда, но и мирные отношения: *Проживая на этой земле, мы мирно жили с народом табгач* [Жолдасбеков, Сарткожаулы, с. 187]. Известно также, что большая китайская делегация приехала на похороны Кюль-тегина и по обычаям тюрков участвовала в ритуале захоронения и что сам китайский император написал собственноручное письмо-соболезнование Кюль-тегину – все эти факты нашли отражение в тексте «говорящих камней». Для возведения тюркских поминальных комплексов, стел с рунической надписью, храмов, скульптур животных и людей и других предметов материальной культуры тюрки приглашали китайских мастеров, которые, с одной стороны, обогащали культуру древних тюрков, с другой – оставляли «след» этнической культуры:

Табгачский каган прислал внутренних (дворцовых) резчиков. Им я поручил построить храм с рисунками. Внутри, снаружи я велел покрыть стены красивой резьбой, водрузить камень (памятник) [Жолдасбеков, Сарткожаулы, с. 191].

В оппозиции «свой» – «чужой» в древнетюркской картине мира своеобразно проявляются и «свои». В этнический костяк древнетюркских каганатов входили шесть основных племен: *кыпчаки, карлуки, басмылы, тогуз-огузы, отуз-татары, тюргеши*. Родственными тюркскими племенами, или «своими», были *канглы, сегиз-огузы, аргу, кияты, тазы, алимы, шектинцы* и другие. В силу политических, экономических, территориальных интересов между родственными тюркскими племенами возникает огонь враж-

ды, внутриплеменная борьба и междоусобные войны, поэтому «свои» – *карлуки, тюргеши, огузы* – становятся «чужими», врагами. Во многих случаях в текстах причины внутриплеменных столкновений обосновываются:

...Народ карлуков вследствие свободы и независимости стал нам врагом. Мы сразились при священной вершине Тамаг [Малов, с. 41].

Тюркешский каган был наш же тюрк, (из) нашего же народа. Так как он не понимал своего блага и провинился перед нами, то сам каган умер (т.е. убит), его «приказные» и правители были также убиты [Там же, с. 38].

Народ тогуз-огузов был собственным моим народом. Лишившись милости Тенгри и Земли, стал нам врагом. В один год мы сразились пять раз [Жолдасбеков, Сарткожаулы, с. 188].

Затем, отойдя назад, переправясь через реку Инчу, сражаясь, приобрел до Темир-Капыг, до тезиков. Семь раз выступил против тогуз-огузов [Там же, с. 345].

Несмотря на межплеменные распри, тюрки пытаются найти общий язык со своими соплеменниками, в качестве таких мирных отношений используется установление кровнородственных связей (женитьба, замужество):

Чтобы не была без хозяина страна, находившаяся во власти наших предков, мы устроили народ азов (и дали им правителя). Это был Барс-бек. Мы дали ему здесь (в то время) титул кагана и дали ему в жёны мою младшую сестру-принцессу [Малов, с. 38].

Дать в жёны – значит кровно породниться, для кочевника это самые крепкие отношения, культивируемые по традиции веками. Если мирные соглашения не приносили желаемых результатов, то внутриплеменная борьба принимала жесткий характер, и тогда «свои» воспринимались как «чужие» [Шаймердинова, 2009, с. 101].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что проблема «своих» и «других», или «чужих», – актуальная проблема мировой цивилизации в историческом прошлом и в современном мире. Важное место она занимает в древнетюркскую эпоху, ибо древние тюрки, создав государство и письменность, развивали собственную культуру, которую они считали возможной противопоставить культуре Китая, Ирана, Византии и Индии. Эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, хотя она была мало известна европейской культуре. В оппозиции «свой» и «чужой» для древних тюрков «чужими»

являются внешние враги, в первую очередь Китайская империя, с которой у тюрков разные отношения: от прямых конфронтаций до мирного сосуществования. Из-за внутриплеменных распрей и междоусобных войн родственные тюркские племена также становились «чужими», «другими». Все это нашло отражение в текстах рунических памятников, широко распространенных по всей Степной Евразии.

Список литературы

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 488 с.
- Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. М.: Тов. «Клышников-Комаров и К», 1993. 512 с.
- Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера человека. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 496 с.
- Жолдасбеков М. Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников (пер. М. Жолдасбеков, Н. Шаймердинова, К. Сарткожаулы). Астана: Кюль-тегин, 2006. 360 с.
- Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
- Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюльтегина. СПб, ЗВОРАО, 1899. 150 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред-ры Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 912 с.
- Шаймердинова Н. Г. Когнитивная семантика древнетюркских Орхонских текстов. Изд. переработанное и дополненное. Астана: ЕНУ, 2007. 248 с.
- Шаймердинова Н. Г. Репрезентация в языке древнетюркской картины мира. Учебное пособие. Астана: Арман-ПВ, 2009. 198 с.

References

- Benvenist, E. (1974). *Obshchaia lingvistika* [General Linguistics]. 448 p. Moscow, Progress. (In Russian)
- Gerd, A. S. (2001). *Vvedenie v etnolingvistiku* [Introduction to Ethnolinguistics]. 488 p. Saint Petersburg, Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian)
- Gumilev, L. N. (1993). *Drevnie tiurki* [Ancient Turks]. 512 p. Moscow, Tov. "Klyshnikov-Komarov i K". (In Russian)
- Gumilev, L. N. (1989). *Etnogenez i biosfera cheloveka* [Ethnogenesis and Human Biosphere]. 496 p. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. (In Russian)
- Zholdasbekov, M., Sartkozhauly, K. (2006). *Atlas Orkhonskikh pamiatnikov* [Atlas of Orkhon Monuments]. 360 p. Astana, Kiul'-tegin. (In Russian)
- Klyashtorny, S. G. (2003). *Istoriia Tsentral'noi Azii i pamiatniki runicheskogo pis'ma* [Central Asian History and Monuments of Runic Letters]. 560 p. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (In Russian)
- Malov, S. E. (1951). *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti*. [Monuments of the Ancient Turkic Writing]. 452 p. Moscow-Leningrad, AN SSSR. (In Russian)
- Melioranskii, P. M. (1899). *Pamiatnik v chest' Kiul'-tegina* [A Monument in Honor of Kuhl'-tegin]. 150 p. Saint Petersburg, ZVORAO. (In Russian)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Pratiurkskii iazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka (2006) [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Pratiurkic Language Basis. Picture of the World of the Pratiurkic Ethnos According to the Language]. 912 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Shaimerdinova, N. G. (2007). *Kognitivnaia semantika drevnetiurkskikh Orkhonskikh tekstov* [Cognitive Semantics of the Ancient Turkic Orkhon Texts]. 248 p. Astana, ENU. (In Russian)
- Shaimerdinova, N. G. (2009). *Reprezentatsiia v iazyke drevnetiurkskoi kartiny mira* [Linguistic Representation of the Ancient Turkic Picture of the World]. 198 p. Astana, Arman-PV. (In Russian)

The article was submitted on 24.06.2019
Поступила в редакцию 24.06.2019

Шаймердинова Нурила Габбасовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Евразийский национальный университет им.
Л. Н. Гумилева,
010008, Казахстан, Нур-Султан,
Сапаева, 2.
nurila1607@mail.ru

Shaimerdinova Nurila Gabbasovna,
Doctor of Philology,
Professor,
L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2 Satpayev Str.,
Nur-Sultan, 010008, Kazakhstan.
nurila1607@mail.ru